

Время истории и годы историка: к столетию со дня рождения А.Я. Грунта

Владимир Булдаков, Анатолий Иванов

**The time of history and the age of historian:
A.Ya. Grunt's centennial jubilee**

Vladimir Buldakov, Anatoliy Ivanov

(both – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

Порой личные судьбы историков символично переплетаются с «большой» историей. Автор семи книг и нескольких десятков статей доктор исторических наук Александр Янович Грунт (1915–1986) родился 5 августа, в день взятия Варшавы немецкими войсками. Об этом совпадении он всегда помнил¹, что по-своему преломилось в его творчестве. Отец будущего историка Ян Янович Грунт, большевик с 1907 г., согласно Большой советской энциклопедии, родился 28 апреля 1892 г. в Валмиере (Латвия) в семье торговца. В 1912–1913 гг. он вел революционную пропаганду в Риге, а в 1914–1915 гг. стал одним из инициаторов создания в Москве латышской социал-демократической организации – так называемой Тверской группы РСДРП. Считается, что в общей сложности он около 10 лет провёл на каторге и в ссылке. Будучи освобождённым Февральской революцией, с апреля 1917 г. стал известен как организатор Московского окружного комитета РСДРП(б) в Коломне², там же редактировал местный журнал «Большевик», а 15 октября 1917 г. возглавил уездный комитет РСДРП(б).

Судя по воспоминаниям и фотографиям, этот человек с пышной шевелюрой и в пенсне обладал довольно крутым нравом. С сентября 1918 г. он стал редактором газет политотдела 5-й армии и с тех пор постоянно находился на редакционно-издательской работе: в Уфе в газете «Известия» и журнале «Пахарь»; в Москве – заведующим отделом рабочей жизни в «Правде»; в Хабаровске и Сталинграде – главным редактором местных газет. Часто подписывался «Ян Почва». В 1931–1939 гг. он работал в издательстве Моссовета, издавал журнал «Архитектура и строительство Москвы», был также редактором фабрики популярных тогда диапозитивных сельскохозяйственных фильмов. С 1941 г. – персональный пенсионер. Незадолго до войны «при неясных» для сына обстоятельствах, как писал академик Ю.А. Поляков, Грунт-старший «уехал в Сталинградскую область и где-то в деревне завёл своё хозяйство», практически не поддерживая отношений с родными³. Умер он довольно молодым – 8 декабря 1950 г. в Ленинске (ныне Волгоградской обл.).

© 2015 г. В.П. Булдаков, А.Е. Иванов

¹ Поляков Ю.А. Александр Янович Грунт (1915–1986) // Историки России: послевоенное поколение. М., 2000. С. 106.

² См.: Ефремиев Г.П. Победа Советов в Коломне. М., 1957. С. 33–34, 37, 41, 52, 56, 66, 74, 84–85.

³ Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 108.

Мать историка, Софья Абрамовна Зелевинская (1893–1965), родом из Ростова-на-Дону, также старая большевичка (партийный стаж с 1909 г.), стала известным микробиологом и иммунологом. Будучи прикрепленной к столовой старых большевиков, она оказывала Александру Яновичу некоторую материальную поддержку. Это заведение в сталинские времена называли «кормилицей царевичей», а в годы брежневского застоя – «корытом». Юмор часто выступает индикатором ценностных перверсий мнемонического воображения и исторической памяти.

Что касается жизни Яна Яновича, то она становилась всё более скромной. Репрессий он счастливо избежал, возможно, потому, что часто – сознательно или вынуждено – менял место работы, причём на всё менее заметное. Однако в 1982 г. его именем была названа одна из коломенских улиц (район Старая Коломна), там же была установлена памятная доска. Александр Янович гордился этим обстоятельством, с удовольствием ездил в Коломну на памятные мероприятия.

Казалось, он по-своему продолжил дело отца, став самым известным специалистом по «Московскому Октябрю». Между тем в действительности будущий историк собирался проявить себя на ином поприще, что куда больше отвечало духу времени, а может быть, семейной привычке к «перемене мест» – он хотел стать геологом. Путь к осмыслению событий революции начался для Александра Яновича с крутого поворота в личной судьбе: в 17 лет он лишился обеих ног, причём одна была отсечена колесом трамвая выше колена. Занятие историей стало для него формой реализации себя как полноценного человека и вместе с тем раскрытием аналитических дарований. Стоит заметить: протезы он освоил так, что многие поначалу не подозревали о том, насколько серьёзно он в своё время пострадал.

Семейное предание гласит, что «встать на ноги» будущему историку помог Мате Залка – воин и поэт мировой революции. В те времена – как ни странно это прозвучит сегодня – романтическая символика революции ассоциировалась с такими понятиями как преодоление, мужество, долг. «Отблеск костра» революции напоминал о себе.

Александр Янович не допускал по отношению к себе никаких скидок. Соответственно и перед наукой все должны быть равны – этому принципу он следовал неукоснительно и, пожалуй, по нынешним понятиям, слишком жестко. Однако нам трудно припомнить, что он часто бывал «хмур и неприветлив», как отмечал в свое время его старый знакомый академик Ю.А. Поляков (правда, тут же добавляя о его жизнелюбивом стремлении к «напиткам и кушаньям» и даже «женским прелестям»⁴). Кстати сказать, к самому академику (тогда члену-корреспонденту) Грунт относился не слишком почтительно, что нас поражало. К примеру, в день какого-нибудь праздника в Институте российской истории (тогда Институт истории СССР Академии наук СССР) он мог запросто послать кого-то из нас к Полякову за коньяком (в те времена наличного спиртного почему-то постоянно не хватало). Просьбы такого рода исполнялись с поражающей нас готовностью.

Дорогу в университет Александру Яновичу, как и многим другим в то время, открыл рабфак. В 1940 г. он окончил исторический факультет МГУ, где и остался на преподавательской работе, в том же году стал коммунистом. Осе-

⁴ Там же. С. 106.

нию 1941 г. Александр Янович эвакуировался вместе с истфаком в Ашхабад. С начала 1942 г. положение с продовольствием там резко ухудшилось. Правда, университетских преподавателей прикрепили к правительственной столовой, а студенты и аспиранты ухитрялись подрабатывать. Но таким, как Александр Янович, пришлось довольствоваться скудным пайком. Голод преследовал его и в Свердловске, куда осенью 1942 г. перебралась из Ашхабада часть сотрудников МГУ. Здесь было неизмеримо больше возможностей как для научной работы, так и для подработки – на оборонном заводе давали карточку на 800 граммов хлеба в день. Увы, Александр Янович вынужден был обходиться ежедневной пайкой в 600 граммов.

В мае 1943 г. свердловская часть сотрудников МГУ возвратилась в Москву. Жизнь Александра Яновича стала легче. В 1944 г. он защитил кандидатскую диссертацию. Характерно, что она была посвящена вовсе не революции, а Прогрессивному блоку, созданному думскими либералами в августе 1915 г. Похоже, учёного волновали все исторические события, хронологически связанные с его собственным появлением на свет. Вероятно, его интересовал и другой, до сих пор спорный вопрос: в какой мере российские либералы – вольно или невольно – способствовали падению самодержавия. После защиты диссертации он был принят на работу в секретариат Главной редакции Истории Гражданской войны (ИГВ). Ю.А. Поляков вспоминал, что «во льготная обстановка в этом учреждении не слишком располагала к серьезным научным занятиям». Зато появилась возможность улучшить материальное положение различными популярными публикациями, включая те, что появлялись в зарубежных изданиях, в Совинформбюро, Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей. Александр Янович писал, часто в соавторстве с Ю.А. Поляковым, о жизни в СССР, памятных исторических событиях, ходе военных действий на советско-германском фронте⁵. Это была прекрасная возможность «отточить перо».

В 1946 г. Александр Янович стал по совместительству преподавать в МГИМО, а в 1948 г. полностью перешёл на преподавательскую работу. По отзывам бывших студентов и коллег, он был темпераментным, остроумным и обаятельным лектором. Поляков вспоминал не только его «хорошую речь, безупречную логику, полемический задор, интересные, живые примеры, оригинальные мысли», но и артистичность. Несомненно, Грунт любил позировать, однако чувство меры и вкуса никогда ему не изменяло.

Вероятно, Александр Янович всё же предпочитал исследовательскую, а не преподавательскую работу. Доцентская деятельность в МГИМО, отмечал Ю.А. Поляков, не позволяла ему развернуться в полной мере. Впрочем, такие труды, как «Практикум по истории СССР (1900–1917)» (М., 1957) и два тома лекций «Россия в эпоху империализма» (М., 1959, 1960), позволяют в этом усомниться. В начале 1960-х гг. появились ещё две книги. Одна из них, «Заговор обреченных» (М., 1962), была посвящена разгрому корниловского «мятежа» (в то время события августа 1917 г. воспринимались именно так), а другая, «Победа Октябрьской революции в Москве» (М., 1961), подводила автора к его «главной теме». Это были не просто популярные издания – они отразили заметный сдвиг в исторической науке, произошедший после XX съезда КПСС. Во всяком случае до того времени мало кто отваживался изучать революцию

⁵ Там же. С. 107.

как реальное противоборство классовых сил, не уходя от сложных сюжетов и «неудобных» тем⁶.

Как бы то ни было, в 1963 г. Александр Янович по конкурсу пришёл в Институт истории АН СССР уже вполне сложившимся исследователем. Старший научный сотрудник (тогда это была самая высокая должность) Грунт включился в работу по созданию коллективных трудов. Самым трудоёмким и сложным делом в ту пору было написание многотомной «Всемирной истории», для чего создали специальный сектор. Его возглавлял один из самых блестящих тогдашних учёных института – востоковед, специалист по истории кемалистской революции, человек редкостной культуры и эрудиции, остроумный и доброжелательный Анатолий Филиппович Миллер (1901–1973). Между прочим, среди сотрудников был и будущий «диссидент» А.М. Некрич.

Благодаря Миллеру в секторе царила атмосфера взаимопомощи и дружелюбия, работали «весело». О себе сотрудники иронически говорили: «Мы, работники всемирной»⁷. В таком окружении трудно было придерживаться историко-партийных догм. Зато могло выработаться искушение втиснуть знакомую деталь прошлого в нынешний образ мира, дабы изменить сложившееся представление о нём.

Александр Янович легко вписался в этот коллектив, много и успешно работал. Последним и самым нелёгким оказался 10-й том, посвящённый Второй мировой войне. Грунт написал ряд текстов (в главы III, VII, XII) о внутреннем положении СССР в те годы. Но наибольшие трудности представляла редакторская работа. Дело в том, что «Всемирная история» была задумана весьма широко и 10-й том предполагал не только освещение хода военных действий, международной политики, но и анализ ситуации во всех районах земного шара. Соответственно привлекались многочисленные внеинститутские специалисты, возникали неизбежные диспропорции, стилевой разнобой. Приходилось состыковывать различные тексты, урезать их, преодолевая авторские амбиции. Это работа «не для слабонервных» даже в наше «либеральное» время. Среди некоторых авторов популярна шутка: «Рождённый править писать не может» – вероятно, сказывается недовольство редакторским «авторитаризмом». Трудно сказать, насколько деликатен был Грунт как редактор, но писал он «лихо». А спорить с ним было трудновато. Коллективные труды – «братские могилы погибших талантов», кажется, никто не любил, но участвовать в них приходилось.

Впрочем, в 1965 г., по завершении 10-го тома, сектор прекратил существование. И вновь Грунт оказался в непростом месте – в секторе методологии, созданном в 1964 г. и возглавленном знаменитым уже в ту пору Михаилом Яковлевичем Гефтером (1918–1995). Что бы ни говорили на заседаниях сектора, его мейнстрим имплицитно концентрировался вокруг уже ставшей «немодной» критики сталинизма и, соответственно, альтернатив исторического развития. Постоянно высказывались весьма резкие суждения об отставании теории истории (марксистско-ленинской – другой не могло быть) от конкретно-исследовательской деятельности. Причём всё происходило в рамках «возвращения к Ленину» с использованием своеобразного «эзопова языка» и обильного цитирования «классиков». Неким промежуточным итогом этой деятельности

⁶ Булдаков В.П., Разгон А.И. А.Я. Грунт – историк Октября // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 154.

⁷ Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 111.

стала выпущенная в 1969 г. книга «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (редколлегия: М.Я. Гефтер (отв. редактор), А.Я. Грунт, В.Л. Мальков, Л.Н. Чернова). Помимо редакторства, Александр Янович был автором статьи «О характере и механизме развития революционного творчества масс. Из опыта Октябрьской революции 1917 г.», независимо от содержания которой он «за компанию» заработал репутацию «ревизиониста».

Другим источником «неортодоксальности» Грунта стала близость к школе Аркадия Лавровича Сидорова (чем он всегда гордился). Он высоко чтит учителя, считал, что именно тот привил ему вкус к работе с источниками. В то же время принадлежность к этой школе почти автоматически превращала Александра Яновича в сторонника разгромленного «нового направления в исторической науке», ассоциировавшегося с Павлом Васильевичем Волобуевым (тогда членом-корреспондентом АН СССР)⁸. Так или иначе, Грунту вновь пришлось поменять место работы. В 1968 г. Институт истории был разделён на Институт истории СССР (ныне Институт российской истории, ИРИ РАН) и Институт всеобщей истории (ИВИ РАН). Александр Янович оказался в первом – в секторе истории Октябрьской революции и Гражданской войны. Казалось, появилась возможность заняться уже давно облюбованной темой, считавшейся к тому же приоритетной. Но всё было не столь просто. Сектор (26 сотрудников) находился в сложных отношениях с Научным советом АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» (9 человек по штатному расписанию). Кстати, прочие сотрудники института подчас недоумевали: зачем нужны два подразделения, которые к тому же имеют общую партийную, комсомольскую и профсоюзную организации? Дело в том, что Научный совет был призван координировать изучение революции в общесоюзном и даже международном масштабе, а заодно поставлять документальный материал для своего руководителя – академика Исаака Израилевича Минца, занятого написанием трёхтомной «Истории Великого Октября». Сектор же оставался внутренним подразделением института.

А в целом состав сотрудников в секторе был «скучнее», чем в минцевском Совете. Г.З. Иоффе так описывал ситуацию в секторе в статье, посвящённой ещё одному «возмутителю спокойствия» Василию Дмитриевичу Поликарпову (1918–2008), перевернувшему господствовавшие представления о соотношении Октябрьской революции и Гражданской войны: «Заведовал сектором... примечательный человек – Пётр Никифорович Соболев. Бывший партийный работник, – по слухам, как-то связанный с “Ленинградским делом”, – он после разгрома ленинградской партийной организации по обычаям тех времён был “спущен” на учёбу в Академию общественных наук при ЦК КПСС, а затем “брошен” на историческую науку (куда же ещё?). Она, эта наука, представлялась ему линией, проведённой “Высшим” на тот момент партруководством, и в малейшем отклонении от неё он усматривал идеологический криминал. Грузноватый, не очень опрятно одетый, он ходил тяжело, опуская ноги на всю стопу сразу. Тяжёлые веки прикрывали глаза, но из-под оставленных открытыми щёлочек, он, по-моему, углядывал всё, что считал нужным и важным для себя. Те, кто считают, что догматики ограничены и даже глупы, ошибаются. Соболев был умён, хитёр и коварен.

⁸ См.: *Булдаков В.П.* Академик Волобуев. Портрет историка на фоне недавнего прошлого (к 90-летию со дня рождения) // *Российская история*. 2013. № 3. С. 35–49.

Понятно, что состав сектора в большинстве своём был подобран “под Соболева”. В большинстве, но не полностью. Среди людей другого, не “соболевского” плана выделялся Александр Янович Грунт, внешне похожий на Э. Хэмингуэя. В мужестве, я думаю, он тоже не уступал ему (В.Д. Поликарпову. – *Авт.*). В юности он потерял обе ноги, ходил на протезах, опираясь на тяжелую суковатую палку. Человек независимого, решительного характера, он не принимал никаких догматических установок, писал “от факта”. Василий Дмитриевич ближе всего сошёлся с Грунтом. Собственно, так оно и должно было быть: оба эти человека понимали историю отнюдь не по-соболевски⁹.

Кое-что в этом тексте хочется уточнить. Во-первых, Александр Янович не любил, когда его из-за бороды сравнивали с Хемингуэем. Он испытал восторг, когда кто-то заметил его сходство с Л. Пастером. Действительно, на последнего он походил куда больше, особенно формой носа. В те времена сравнение с Хемингуэем могло показаться избитым, а своеобразного мужского «кокетства» Александр Янович отнюдь не был лишён. Во-вторых, ситуация в секторе была сложнее. Соболев, посвятивший свою деятельность на историческом поприще поддержанию официальной догмы о «союзе рабочего класса с беднейшим крестьянством», как ни странно, побаивался Поликарпова, а ещё больше Грунта. Последний, не признавая принятой в секторе «политкорректности», действительно, мог «врезаться». А Поликарпов был «хитроват»: всякому догматическому представлению противопоставлял ленинскую цитату, причём обладал редкостным упорством. Догматикам же сталинского пошиба отнюдь не была свойственна схоластическая изворотливость, и они уже утратили наступательный дух. К тому же Александра Яновича побаивались не только и не столько «догматики», сколько «серые» приспособленцы. Впрочем, в те времена все проводили собственные мысли – если они имелись – под «зонтиком» из ленинских цитат.

В-третьих, чтобы противостоять «непокорным» (а к ним ситуационно присоединялись и «нейтральные»), дряхлеющий Соболев продвинул своих сторонников в «начальство», дабы с их помощью «укрепить» сектор новыми сотрудниками из числа совсем уже упёртых догматиков. Но последние сразу же предстали в секторе «белыми воронами», готовыми к тому же потеснить Соболева на начальственном посту. И тогда на них окончательно ополчился весь сектор (из молодёжи к ним примкнул лишь один, да и то не по «идейным», а по холуйским соображениям, посчитав, что за ними «сила»). Ситуация вышла из-под контроля, попытки Соболева привычно бороться с внутренним раздранием, «по-партийному» именуемым им «групповщиной», ни к чему не привели.

Наконец, в целом сотрудники сектора Октябрьской революции, за малыми исключениями, охотно вписывались в горбачёвскую перестройку. Служить известного рода догмам, особенно притворяясь, смертельно надоело. И конечно, такие люди, как Грунт и Поликарпов, активно способствовали превращению сектора в «нормальный» исследовательский центр. Во всяком случае поспешная его ликвидация (явно по политическим соображениям) новым институтским начальством лишь способствовала неуклонной вульгаризации истории революции и Гражданской войны, столь заметной сегодня.

Как автор Александр Янович всегда был невероятно востребован. Он оставил свой след в таких коллективных трудах, как многотомная «История Комму-

⁹ *Иоффе Г.З.* Памяти Василия Дмитриевича Поликарпова // Новый исторический вестник. 2008. № 17. С. 1–2.

нистической партии Советского Союза» (М., 1966), энциклопедия и атлас карт «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1968, 1977, 1987), «Источниковедение истории Великого Октября» (М., 1977), «Исторический опыт трёх российских революций. Кн. 2. Свержение самодержавия: Вторая буржуазно-демократическая революция в России» (М., 1986), «Великий Октябрь и защита его завоеваний» (М., 1987. Т. 1). Это были важнейшие коллективные работы того времени. Кроме того, им были написаны соответствующие разделы в «Краткой истории рабочего класса. 1917–1967» (М., 1968). К созданию «кирпичей» такого рода устремлялись отнюдь не только коммунистические ортодоксы. Участие в подобных коллективных монографиях позволяло подспудно проводить некоторые собственные идеи, получая своего рода «свидетельство о благонадежности». Зная Александра Яновича, трудно усомниться, что он такой момент – сознательно или бессознательно – не использовал.

В те годы кипела непонятная ныне борьба вокруг таких «странных» тем и сюжетов, как революционная ситуация, общее и особенное в классовой борьбе, соотношение стихийного и сознательного в революционном творчестве масс. Под покровом подобной – в значительной степени надуманной – проблематики шёл неуклонный отход от представлений о революционном процессе, якобы целиком и полностью организованном большевиками вопреки усилиям всевозможных «буржуазных» и «мелкобуржуазных» партий. Важность такой подвижки трудно переоценить: за марксистскими мифами стояла вера в «вождей», без преодоления которой никакое приближение к объективному взгляду на исторический процесс невозможно. И не приходится удивляться, что до сих пор отголоски этой веры порождают конспирологические домыслы о революции.

В сущности, Александр Янович, вольно или невольно, попытался на материале «Московского Октября» совершить «свой» сдвиг от политической к социальной истории революции. Увы, в полной мере решить эту задачу российским историкам не удаётся до сих пор – традиции авторитаризма реанимируются. А во времена Грунта, несмотря на появление многотомных работ по истории пролетариата и крестьянства, обе «движущие классовые силы» всё равно представляли ведомыми «непогрешимой» большевистской партией. Для того чтобы преодолеть инерцию подобных представлений, требовалось прежде всего воссоздание реального облика «гегемона».

Каждая из публикаций Александра Яновича становилась этапом неуклонного движения в том же направлении. К примеру, в статье «Московский пролетариат в 1917 г.» (Исторические записки. 1970. Т. 85) он на основе скрупулёзно собранных отрывочных сведений подробно проанализировал численность, состав и размещение рабочих «второй столицы». Легенды и домыслы вынуждены были потесниться. Работа явилась подготовкой к созданию крупного исследования. В 1976 г. увидел свет его основной труд «Москва 1917-й. Революция и контрреволюция». Само название смотрелось вызывающе: поставить на одну доску революцию и контрреволюцию считалось делом немыслимым – последняя, как тогда представлялось, просто «вредила» первой. Это был не только значительный вклад в изучение революционной Москвы, но вызов сложившимся стереотипам восприятия революции.

Книгу характеризует не просто высокий исследовательский профессионализм, привлечение широкого спектра разнородных источников, но и критический разбор имеющейся литературы. Отсюда масса важных уточнений, необычных оценок и выводов. Грунт показал, что слабости существующей литературы

о «московском» (и не только) Октябре проистекают не от бедности документального материала, а от неумения адекватно его использовать. Господство в историографии так называемого иллюстративного метода (против которого в то время восставали вроде бы все – вплоть до П.Н. Соболева) способно увести в область мифотворчества. Позитивистской иллюстративности для понимания динамики революции недостаточно. Важно привлекать и критически использовать периодическую печать, дневники, воспоминания, от какой бы стороны они не исходили. Вместе с тем автор стремился «подняться над источником» – позитивизм был для него лишь начальной ступенью познания.

В книге была представлена широкая и динамичная картина социального облика Москвы в 1917 г. Рассматривались территория и административное деление города, численность, движение и социальный состав населения. Грунт ушел от господствующего тогда «классово-антагонистичного» подхода к структуре населения, в основе которого лежало стремление непременно подчеркнуть (а чаще преувеличить) численность и сплоченность пролетариата. Александр Янович показал сложность и пестроту почти двухмиллионного московского населения. Оказалось, что собственно пролетариата в Первопрестольной насчитывалось всего 410–420 тыс. (с. 27), зато непомерно велика была полу-пролетарская группа (214 тыс.), включавшая домашнюю прислугу (99 тыс.), ремесленных и промысловых учеников (более 40 тыс.), дворников, сторожей и швейцаров (с. 38). Для понимания динамики революционного процесса важно учитывать поведение и этих – «промежуточных» (между пролетариатом и буржуазией) – средних городских слоёв. Александр Янович это сделал впервые.

При написании «Московского Октября» ему пришлось решать задачу колоссального объёма и сложности. Общих переписей населения в 1917 г. не проводили; между тем в Москве, как и в стране в целом, шли сложные социально-демографические процессы, довольно неожиданно сказывавшиеся на развитии событий. Собрав ряд разнородных сведений, Грунт впервые дал цельное и всестороннее историко-статистическое описание города – его территории, административного деления, экономики, предложив выразительную характеристику всех слоёв коренного и пришлого населения в каждом районе. Многочисленные карты, схемы, таблицы, диаграммы сложились в своего рода единый реконструированный источник по истории революционной Москвы. На этом фоне рассмотрение возникновения и эволюции тогдашних демократических органов власти, считавшихся «буржуазными», получилось особенно убедительным. В итоге шаг за шагом удалось восстановить реальную картину противоборства революции и контрреволюции.

Очень многие не принимали взгляды Александра Яновича. Среди них был и академик И.И. Минц. Позднее Ю.А. Поляков вспоминал, что даже судьба докторской диссертации Грунта повисла на волоске. Положение «спас» тот же Минц, заявивший: «Я не разделяю позицию диссертанта, но его исследование настолько квалифицировано, он выступает настолько компетентно, что я без колебаний призываю голосовать за него»¹⁰. Увы, такое случалось и случается не часто.

История «Московского Октября» стала для Александра Яновича своеобразной лабораторией переосмысления всего российского революционного процесса. Одновременно наметился отход от чисто столичной – петроградской,

¹⁰ Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 111.

«верхушечной» – интерпретации революции. Увы, сегодня заметно попятное движение. Можно не сомневаться – Грунта оно бы возмутило.

Своеобразным развитием творческих замыслов учёного стала популярная (как было задумано) книга «Петроград – Москва, июль–ноябрь 1917 г.» (М., 1984), написанная им совместно с выдающимся ленинградским историком Виталием Ивановичем Старцевым. С помощью простейшего компаративистского приёма авторы попытались довести до широкой читательской аудитории представление о сложности, многообразии, противоречивости, порой непредсказуемости развития революционных событий. «Москва подаёт пример», – писал между прочим Грунт, отмечая, что до августа 1917 г. ситуация в Москве была своеобразным отражением столичной, а затем непредсказуемо поменялась (с. 27). Авторы стремились передать дух кризисной эпохи через неожиданные детали, пробиваясь через наслоения мифотворчества, казалось, навсегда вросшие в историографию революции. Эта иллюстрированная книга, выпущенная 200-тысячным тиражом, с лёгкостью нашла читательскую аудиторию, что сегодня кажется невероятным.

Новое крупное монографическое исследование Грунта с несколько странно звучащим ныне названием – «Между двумя революциями. 1917 год», – было посвящено проблеме назревания революционной ситуации. Оно было завершено ещё в 1983 г., но по тогдашнему обычаю ждало очереди на публикацию. Автор книги вновь показал, что революционный процесс был много богаче по содержанию, чем представлялось ранее – для многоукладной и полиэтнической страны это было более чем естественно. У этой рукописи также оказалась непростая судьба. Отдельные её выводы, а может быть, просто нетрадиционный стиль изложения материала вызывали возражения. Отрицательные отзывы не смутили Александра Яновича: он всегда отвергал мысль о возможности «бесконфликтного» развития науки. Будущим историографам ещё предстоит разобраться в подлинной ценности этой глубокой и яркой работы, а заодно и в том, насколько основательными были возражения в её адрес.

Смысл историографии – в отслеживании глубинного движения исторической мысли, к сожалению, слишком часто вынужденной прятаться за привычным нарративом. Способность генерировать новые идеи была отличительной чертой Грунта-исследователя. Творческий подход к истории революции по плечу только «революционерам мысли и духа» – таков главный урок всего его творчества. Тем не менее сегодня представления Грунта о революции могут показаться устаревшими. Но не стоит торопиться с выводами. Часто новаторство в общественных науках тормозится просто из-за нехватки адекватного языка описания – он всегда «запаздывает». Вместе с тем от характерных аберраций, навязанных определённым «историографическим временем», страдают и профессиональные авторы. Ничего удивительного: вопреки источниковедческому скепсису все мы подспудно настроены на то, чтобы подогнать прошлое «под себя» проверенными приёмами. Иногда это приобретает характер эмоциональных манифестаций, соответствующих политическим коллизиям современности. Конечно, глупо бегать от собственного прошлого, каким бы неприглядным из нынешней действительности оно не казалось. Но кто, по большому счёту, от этого застрахован? Остаётся напомнить, что в скрещении судьбы Александра Яновича Грунта ярко отразились перепады исторических времён – Первой мировой войны, революции 1917 года, сталинизма, брежневского «застоя» и горбачёвской «перестройки». И, думается, продлился его жизнь дольше, он смог

бы успешно выбраться из-под глыб рождённых тем противоречивым временем мифов и антимифов.

Последние годы жизни Александра Яновича внешне протекали благополучно. Проблему собственной мобильности он решил ещё в начале 1950-х гг., став одним из редких в тогдашней Москве автомобилистов. С помощью ручного управления он виртуозно водил машину. Мог даже самостоятельно сменить колесо. Он никогда не отдыхал в санаториях или домах отдыха, предпочитая туристические базы. Словно назло судьбе овладел гребным спортом. Однажды это увлечение едва не закончилось трагедией: байдарка перевернулась, Александр Янович не мог высвободиться из-за протезов. Прилагая невероятные усилия, он всё же удержался на плаву, дождавшись помощи. И этот случай кажется символичным.

В семейной жизни всё обстояло вроде бы благополучно: он обожал жену Зельму Карловну Янель (1920–1982), двоих дочерей – все они не без успеха ушли в науку. Примечательно, что его супруга в юношеские годы чудом избежала ГУЛАГа. Её неожиданно освободили, позволили даже поступить в университет (правда, на исторический, а не на философский факультет¹¹). В 1961 г. она, любимая ученица выдающегося медиевиста А.И. Неусыхина (1898–1969), защитила кандидатскую диссертацию о социально-экономическом развитии дворянских поместий в Лифляндии, успешно работала в ныне погоревшем, а тогда ещё не испытывавшем заметных материальных трудностей ИНИОНе, писала блестящие аналитические обзоры, статьи и указатели литературы по проблемам позднего феодализма. Сотрудники ИНИОНа до сих пор вспоминают её как женщину редкого ума и обаяния. Александр Янович не устал твердить, что «настоящий историк» в семье именно она. В этих вряд ли вполне справедливых, но произносимых искренне словах, тоже был весь неповторимый Грунт.

Скоропостижная смерть жены нанесла ему жесточайший удар. Вероятно, отсюда идёт память о «мрачном» Грунте. В действительности он всего лишь, не скрывая, презирал «людей бескрылых» и активно ненавидел «серость» в науке. По отношению ко всему этому он мог быть язвительным и даже желчным, что со смертью жены стало заметнее. Впрочем, его поведение, как всегда, скрашивалось редкостным обаянием внутренне сильного, хотя и не пышущего здоровьем человека. По мере сил мы старались помочь ему. Это вылилось в серию «мальчишников» (4–6 человек), ежемесячно проводимых в его опустевшей квартире на Сивцевом вражке. Поскольку наступило время тотального дефицита, усугубляемого горбачёвским «полусухим» законом, то каждый очередной «ответственный за стол» старался удивить компанию каким-нибудь особенным блюдом. Это, как ни странно, удавалось. Решалась и проблема спиртного, хотя потребляли немало, а Александр Янович, картинно позиционируя себя «алкоголиком» (чему мы искренне удивлялись, ибо пьяным видеть его не доводилось), требовал, чтобы ему непременно что-нибудь оставалось «на утро». К сожалению, всё это продлилось недолго. Организм Александра Яновича попросту «устал» от выпавших на его долю трудностей.

Вскоре после смерти Грунта увидела свет его статья «Историческое творчество народных масс в трёх российских революциях» (История СССР. 1987. № 1). И вновь за привычным фасадом борьбы «классов и партий» скрывалась

¹¹ Горчаков Г.Н. Воспоминания. Иерусалим, 1995. С. 44–45.

попытка показать то, что сегодня можно назвать синергией революции. Социальная природа, психология и действия возбуждённых масс, энергия революционного хаоса и векторы его движения – всё больше захватывали автора. Вероятно, из этого и складывается многоликость всякой революции, с описанием которой мы, увы, ещё не умеем справиться.

Вспоминая Александра Яновича, понимаешь, что значимость человека в научном мире не зависит ни от степеней, ни от званий, ни от количества трудов, ни, тем более, от всевозможных рейтингов, зачастую отражающих показное словесное новаторство. Понять, чем определяется место учёного в историографии, подчас труднее, чем объяснить зигзаги судеб людей прошлого. Создается впечатление, что масштаб личности историка связан прежде всего с его нравственным воздействием на коллег и способностью твёрдо, неуклонно и умело отстаивать свои идеи. Такое, к сожалению, даётся не многим.

Историком (а не борзописцем на впечатляющие темы) в любых обстоятельствах быть непросто: внутри него словно ворочается глубинная «другая жизнь», постоянно напоминающая ему о чём-то большем, нежели метания в «плоской» современности. В его памяти болезненно сталкиваются, по выражению М.Я. Гефтера, «забытие и воспоминание». «Всякий человек есть нить, протянувшаяся сквозь время, тончайший нерв истории, который можно отщепить и выделить и по нему определить многое», – писал в своё время Ю.В. Трифонов. И потому осознание причастности к «бесконечному ряду» истории помогает преодолеть то нелепое отчуждение от собственного прошлого, которое постоянно пытаются навязать нам самонадеянные политики.

Новое исследование о русской общественности в годы Первой мировой войны

Исаак Розенталь

New book on Russia's public organizations during the First World War

*Isaak Rozental (State Archive of the Social and Political History,
Moscow, Russia)*

Изданная к 100-летию начала Первой мировой войны монография доктора исторических и юридических наук А.С. Тумановой¹ хронологически и по существу продолжает её исследования о российской общественности на институциональном уровне. На этот раз деятельность общественных организаций рассматривается на протяжении краткого временного отрезка (сравнительно с охватом полутора столетий истории в коллективном труде, вышедшем ранее под её редакцией²). Книга продуманно структурирована и содержит большой фактический материал, извлечённый из архивных и печатных источников.

© 2015 г. И.С. Розенталь

¹ Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 2014.

² Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011.